

УДК 811.133.1'36(043.3)

© О. В. Кириленко

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТЕКСТЕ (на материале французского языка)

Ключевые слова: речь, виды речи, несобственно-прямая речь.

Keywords: speech, types of speech, indirect speech.

Рассматривается проблема определения речи и ее видов, несобственно-прямая речь и способы ее выделения в тексте.

The article deals with the problem of definition of speech, its types, the indirect speech and the ways of its defining in the text, in particular.

На современном этапе развития лингвистики фокус исследований сместился к проблематике антропоцентризма, в центре которого стоит человек. Человек как *homo loquens* (человек говорящий) выступает объектом изучения таких дисциплин как психология, лингвистика текста, коммуникативная грамматика, прагматика, стилистика и т. д. В центре исследования оказывается человек, продуцирующий речь, и виды его речи.

Психология рассматривает речь как «один из психических, познавательных процессов человека, связанный с использованием языка для представления, сохранения в устной и письменной форме и последующей переработки разнообразной информации, а также для обмена ею между людьми» [3, с. 375].

Лингвисты определяют речь как «деятельность говорящего, применяющего язык для взаимодействия с другими членами данного языкового коллектива», как «стилистическую разновидность речи», «один из видов синтаксического построения высказывания» [1, с. 386–387], как «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую или письменную форму» [2, с. 414–415], как индивидуальный акт использования языка («*le discours est la mise en fonctionnement de la langue par un acte individuel d'utilisation*»), который (язык) говорящий использует как инструмент в своих целях («*...est le fait du locuteur qui mobilise la langue pour son compte*» et «*qui prend la langue pour instrument*») [6, p. 80].

Как видим, речь понимается в широком смысле: и как применение языка в производстве «текстов» в различных формах, которые являются результатом, и как условия этого процесса – наличие говорящего с его целями и, как предполагается, слушающего, присутствие которого является необязательным («*dès qu'il se déclare locuteur et assume la langue, il implante*

l'autre (выделено нами) en face de lui, quel que soit le degré de présence qu'il attribue à cet autre») [6, p. 82].

Традиционно выделяются следующие виды речи: прямая (le discours direct), косвенная (le discours indirect) и несобственно-прямая (le discours indirect libre) речь. Если прямая и косвенная речь имеют четкие критерии выделения в тексте, то несобственно-прямая речь характеризуется «размытостью границ». Одни исследователи используют контекст для ее нахождения («il n'y a pas de marques univoques du discours indirect libre, qui n'est pas interprétable comme tel qu'en contexte» [5, p. 237]), другие опираются на конкретные грамматические характеристики, свойственные несобственно-прямой речи: временной сдвиг; изменение или переосмысление повествовательного лица; изменение модального плана; семантический сдвиг к обобщению (концептуализация дискурсивной ситуации) [4, с. 227].

Такие грамматические характеристики Т. Ф. Плеханова называет диалогическими маркерами авторской речи / дискурса. Как правило, в тексте наблюдается их сочетание, напр.: *Moi aussi, si je pouvais choisir, j'aurais pris ce qu'il y a de mieux et pas une vieille Juive qui n'en pouvait plus et qui me faisait mal et me donnait envie de crever chaque fois que je la voyais dans cet état. Si Madame Rosa était une chienne, on l'aurait déjà épargnée mais on est toujours beaucoup plus gentil avec les chiens qu'avec les personnes humaines qu'il n'est pas permis de faire mourir sans souffrance. Je vous dis ça parce qu'il ne faut pas croire que je suivais Mademoiselle Nadine comme elle s'appelait plus tard pour que Madame Rosa puisse mourir tranquille* [7, p. 113–114]. В данном примере Я (Je) принадлежит рассказчику-персонажу, которым является десятилетний мальчик. У него нет ни матери, ни отца, и он воспитывается женщиной Розой (*Madame Rosa*), которая медленно умирает в муках у него на глазах. Герой понимает, с чем ему придется столкнуться после того, как ее не станет, и его отчаяние передается словами *qui me faisait mal et me donnait envie de crever chaque fois que je la voyais dans cet état*. И если бы он мог выбирать, он бы сделал выбор в пользу другой, а не старой еврейки, которая была уже не в силах бороться с болезнью *si je pouvais choisir, j'aurais pris ce qu'il y a de mieux et pas une vieille Juive qui n'en pouvait plus*. Мальчик надеется на это, опираясь на свои лучшие качества *qu'il y a de mieux* (их наличие передается формой глагола в настоящем времени); несбыточность его мечты выражается условным наклонением прошлого времени *j'aurais pris*. Непрямое говорение автора начинается в этом предложении, диалогический маркер – условное наклонение указывает на это. Сдвиг дейктического центра закрепляется сменой повествовательного лица *je* => *on*. Анализ события переводится в иной модальный план – план предположения: *Si Madame Rosa était une chienne, on l'aurait déjà épargnée* (если бы мадам Роза была собакой, ее бы пощадили). Повторное употребление условного

наклонения прошедшего времени вводит в контекст повторно голос автора и показывает, что этого никогда не случится, потому что люди всегда более сострадательны к собакам, чем к людям (*on est toujours beaucoup plus gentil avec les chiens qu'avec les personnes humaines*), которым не положено умирать без страдания (*qu'il n'est pas permis de faire mourir sans souffrance*). Употребления повествовательного лица *on*, общезначимого понятия *les personnes humaines* и абстрактного существительного *souffrance*, настоящего времени *on est* и модального глагола *il ne faut pas croire* закрепляют сдвиг дейктического центра: происходит идентификация «Я» с «Мы», которая расширяется до границ социума. Имплицитно затрагивается проблема эвтаназии и отношение к ней в социуме. Это предложение употреблено в утвердительной форме, которая однозначно выражает отношение автора к данной проблеме.

В следующем предложении в обращении *Je vous dis ça* еще слышится голос автора, затем происходит смена модальности *qu'il ne faut pas croire* и в *je suivais Mademoiselle Nadine comme elle s'appelait plus tard* угадывается голос персонажа-рассказчика, который последовал за мадмуазель Надин. В конце предложения употребление сослагательного наклонения *puisse mourir* выражает легкую иронию, которую автор, вновь появляясь в повествовании, доносит до читателей: не нужно думать, что мальчик, последовав за Надин, нашел себе другую «маму», тем самым успокоив Розу, чтобы она смогла спокойно умереть (*pour que Madame Rosa puisse mourir tranquille*).

Таким образом, в художественном тексте несобственно-прямая речь совмещает грамматические признаки прямой и косвенной речи («Le discours indirect libre ...cumule les avantages des deux autres discours: conserver les traces de l'énonciateur du discours cité et introduire un point de vue extérieur» [5, p. 237]): повествование ведется от лица говорящего – автора / рассказчика как косвенная речь, привносится иная (чужая) точка зрения (персонажа), а связь между словами автора / рассказчика и чужой речью (словами персонажа) бессоюзная, как в прямой речи.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
4. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
5. Arrivé, M. La grammaire d'aujourd'hui / M. Arrivé, F. Gadet, M. Galmiche. – Paris: Librairie Flammarion, 1986. – 720 p.
6. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale, 2 / E. Benveniste. – Paris: Gallimard, 1974. – 288 p.
7. Gary, R. La vie devant soi / R. Gary. – France: Mercure de France, 1975. – 274 p.